Догма

Автор:
Вячеслав Прах

Догма

Вячеслав Прах

Дьявол во мне #2

Городок, прозванный Догмой, живет своей обычной сонной жизнью, пока в нем не происходят два жестоких убийства молодых женщин. Лейтенант Марк Миллер и его напарник Домиан, уже знакомые нам по роману «Дьявол во мне», принимаются за непростое расследование. Но Догма надежно хранит секреты каждого жителя, а потому помощи от местных ждать не приходится. Возможно, Домиану все-таки придется снова применить свой страшный дар, и, возможно, его внутреннему дьяволу это понравится…

Вячеслав Прах

Догма

© Прах В., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Глава первая. Начало

Обо мне никто не узнал. Спустя некоторое время после того, как священника Гренуя обнаружили мертвым, а именно – как было написано в протоколе – скончавшимся от сердечного приступа, и признали серийным убийцей, который наводил ужас на весь город, я отправил Линде Олбрайт письмо. Не от руки написанное, а в печатном виде, чтобы мой почерк не стал в итоге уликой против меня.

Письмо гласило:

«Никому обо мне не говорите. И быть может, мы еще с вами встретимся.

Сержант».

Кстати, узнав о том, кем был старый добрый священник Гренуй, она выразила желание отправиться в морг и лично опознать его (по рукам), хотя против него уже тогда было достаточно улик, чтобы его «честное» имя было очернено и оплевано. И девушка, разумеется, его опознала – обо всем этом мне рассказал Марк.

Храм временно закрыли, а помощник отца Гренуя сказал, что никогда больше не станет служить в этой церкви, и перевелся в другую.

Все так или иначе налаживалось, я писал музыку и продавал ее редким ценителям моего творчества. Всего за несколько месяцев в новосозданном сообществе, посвященному моей авторской музыке, набралось около четырехсот человек, и большинство из участников просили, чтобы я выпустил альбом.

Чуть позже я так и сделал.

С Марком мы стали ближе. Гораздо ближе, чем раньше, – от него больше не воняло ложью и вечными недоговорками. Он был честным и прозрачным, как условия кредита в местном банке, который хотели мне навязать, когда я завел свою первую карту. «Все честно и прозрачно. Брать кредит у нас – одно удовольствие». Нет уж, спасибо. Пока буду довольствоваться тем, что есть.

Вот так и началась новая глава моей жизни. Как-то Марк сказал мне, что я стал намного сдержаннее и спокойнее. В общем, неудивительно. После того, что я пережил и о чем мой друг полицейский не знал… Одно дело видеть дьявола внутри себя, другое – увидеть его однажды в чужих глазах. Особенно в тех, где, как мне показалось, много боли и Бога.

Все закончилось, и я каждый новый день был этому рад. Играл на пианино, поглядывал в окно, дожидаясь Марка с работы, и по-своему ценил то спокойное, мирное время, когда монстр исчез из нашего города. Вот только я никак не предполагал, что это временное затишье давалось лишь для того, чтобы разбить вдребезги все мое представление о Человеке и Монстре.

Я убил того, кто отнимал чужие жизни, даже не прикоснувшись к нему. Я не знал, что уничтожить монстра – это не значит уничтожить зло. Он был не один такой…

* * *

В тот день я пошел на местную почту, чтобы отправить диски людям, заказавшим у меня музыкальный альбом с автографом. Сидя у окна, краем уха я услышал, как женщина лет пятидесяти выражает свое недовольство по поводу работы местной почты, затем – по поводу полиции, а затем – и властей в целом. Никто из работников почты не воспринимал ее всерьез и не вступал в дискуссию. Что ж, просто у человека стало гадко на душе именно в тот момент, когда он пошел на почту, чтобы отослать кому-то письмо. Бывает. Что поделать, человеческий фактор. Человек – не робот, ему чувствовать не запретишь.

Хотя ученые в ближайшем будущем хотят внедрить роботов в нашу жизнь, чтобы они нас обслуживали и облегчали нам существование… чтобы они вытесняли нас. Конечно, они много чего хотят, эти ученые, и подобное заявление не воспринимается пока всерьез, ведь на проект уйдут годы, а может, и десятки лет. Они вот не подумали, эти головастые, как обыкновенный человек будет зарабатывать на жизнь? Наверное, обслуживая роботов. Изготавливая их и ремонтируя время от времени. Роботы будут обслуживать мир, а мы будем обслуживать их…

Интересно, станут ли роботы писать музыку? Если и да, то, похоже, только скрещивая великих. К примеру, Бетховена с Моцартом, чтобы на выходе

получился новый шедевр – «Бетхоцарт», поданный в красивой обертке. Обзовут, например, произведением некоего Карло Антонио Пальяччи под названием «Сон Моны Лизы». А книги как будут писать эти железяки? Скрещивая Достоевского и Андерсона? Чтобы на выходе из типографии получилась «Сказка о самоубийстве»? Или Михаила Булгакова с Эдгаром Аланом По – «Ворон и Маргарита», ага!

Ладно, меня опять занесло. А ведь обыкновенная женщина, чья-то мать и дочь просто зашла на почту, начала жаловаться на жизнь и пробудила во мне такие странные мысли… нас поработят роботы, бр-р.

Я сидел за свободным столиком, никого не трогая, подписывал конверты и вкладывал в них диски.

Та самая женщина вдруг обратилась ко мне:

– Простите, я не помешаю?

– Нет, садитесь, – любезно и ровно сказал я.

В конце концов, у стола стоит два стула, и кто может запретить ей сесть на свободный?

– Эта почта… Боже, нет слов. Я отправляла письмо в другой город, и оно шло целый месяц. Куда катится эта страна?

Свой монолог она адресовала не мне, так, говорила в пустоту, наверное, обращаясь к некоему внутреннему собеседнику. Невольно скосив глаза, я увидел, что она тоже что-то подписывает. Наверное, всемирную жалобу на жизнь! Есть такая категория людей, которые постоянно и на все жалуются.

– Роботов они хотят внедрить в нашу жизнь, идиоты! – вдруг произнесла посетительница, и я аж вздрогнул от неожиданности. Надо же, ее мысли пошли в том же направлении, что и у меня. Она тем временем продолжала: – А кто будет лечить людей? Кто будет лечить больных шизофренией? Тоже роботы? Все стремятся сделать сверхчеловечество, а на обыкновенного человека плевать. Так было всегда, это только песни, что они защищают наши права, что

заботятся о нас. Никто о нас не заботится!

– Простите, а что, вы не в состоянии позаботиться о себе сами? – Я не сдержался и первым начал разговор.

Внутри я смеялся, так как после вчерашней телевизионной пресс-конференции нашего президента эти роботы засели не только в моей голове. Мы с Марком, правда, смотрели все уже в повторе – его коллеги посоветовали ему взглянуть на «наше светлое будущее». Президент сказал, что ученые смело заявляют о своих намерениях относительно железных машин с искусственным разумом. Видимо, эта информация вызвала паранойю и манию преследования роботами у целой страны… Забавно.

– Не могу! Я даже не могу позаботиться о своем сыне, что уж говорить обо мне самой.

Ну все, появились свободные уши. Мне конец! Черт же меня дернул прокомментировать. Сидел бы себе спокойно, писал, эх…

– Сыну его одноклассник выстрелил в челюсть из пневматического пистолета. Вы даже не представляете себе, как сейчас выглядит рот Райана. Никогда не смотрели «Пилу»?

– Странно, что вы ее смотрели. И что? Закрыли этого одноклассника?

– Закрыли? Издеваетесь, что ли? Ему всего пятнадцать лет, он несовершеннолетний и к тому же из неблагополучной семьи. Полиция мне сказала, что ничем помочь не может. Забирайте, мол, свое заявление и идите заботиться о сыне.

– Так и сказали?

– Да. Эта страна… в прокуратуру не протолкнуться, завести дело – целая проблема. У меня уже крыша едет, извините меня, я бегаю от одного участка к другому, в прокуратуру, уже президенту пишу письмо. А этого парня даже ударить нельзя, потому что посадят меня. Представляете, он берет с собой в школу пистолет и показывает его одноклассникам, поднимает свой авторитет в

их глазах. А моему сыну говорит, чтобы я перестала на него писать, а то переломает ему ноги. Я уже подыскиваю другую школу… Это такой ужас, не передать! Он даже не раскаивается в том, что сделал.

– Напишите мне, пожалуйста, номер вашего мобильного, имя, фамилию, адрес. Я передам эту информацию в надежные руки. Пишите сейчас же.

– А кто вы?

– Я никто, а вот мой друг – хороший полицейский, и, думаю, он поможет найти подходящее место для этого парня.

– Да, хорошо…

Она написала что-то на листе и передала мне. Очень красивый и ровный почерк. На самом деле интеллигентная женщина. Таким порой бывает тяжко.

– Я отдам кому надо.

– Спасибо. Знаете, я работаю в психиатрической лечебнице, если вам или кому-то из ваших родных понадобится рецепт на какие-нибудь таблетки, которые не продаются свободно в аптеках, или что-нибудь нужно будет достать, позвоните мне. Я помогу. А еще… у вас есть дети?

– Нет.

– Хм, ну ладно, если кому-то из ваших близких нужно будет устроить быстро и без проблем ребенка в садик, обращайтесь, у меня есть хорошие знакомые.

– Ладно, я пойду. Ожидайте звонка.

Она молча проводила меня грустным взглядом, похоже, не сильно поверив в грядущее чудо. Я отправил посылки и ушел прочь. Когда покидал почту, женщина все еще сидела за столиком и писала.

Меня реально зацепила эта история, и как только представилась возможность, я первым делом позвонил Марку.

– Доброе утро. Не отвлекаю?

– Доброе. Что-то срочное? – отозвался он.

– В общем-то да, но оно дождется твоего обеда. Приедешь домой?

– Хм, скорее всего нет. Много бумажной волокиты сегодня навалилось, мой напарник ушел в отпуск, и нужно все разгребать самому. Если что-то важное, приезжай к участку, зайдем в ближайшее кафе, перекусим, и расскажешь мне, что у тебя там произошло. Ты же вроде должен был отправлять альбомы? Разве нет?

– Уже отправил. Хорошо, я приеду к тебе. Во сколько?

– К двум.

– Договорились! До встречи.

Сначала я вернулся домой, быстро попил чай, поиграл на пианино, а около двух вышел из квартиры и отправился к ближайшему метро.

* * *

– И что, ее послали? В какой участок она обратилась? – Марк удивленно взглянул на меня, будто в его практике подобное происшествие случилось впервые.

– Вот ее номер телефона, – сказал я, протягивая листок. – Позвони ей, будь добр, в ближайшее время. Она интеллигентка, такие, увы, зачастую своего не добиваются.

– Ладно, позвоню, когда приду в участок.

Мы сидели с Марком в кафе за три квартала от его работы. Безлюдное спокойное место – кроме нас в зале был только один посетитель, тихий пожилой старичок в сером плаще. Все время, что мы с Марком здесь провели, он стучал

по клавиатуре своего ноутбука. Возможно, переписывался по почте. Сейчас у стариков и старушек наступила виртуальная любовь. Эпоха технологий. Наши деды с боевым задором готовы командовать роботами. Подавайте уже!

В кафе была светлая, теплая обстановка. Французские окна от пола до потолка… и вообще, мне показалось, что здесь присутствовал французский дух. В воздухе пахло корицей, кофе (хорошим, прошу заметить), а еще ванилью, круассанами и неспешностью. Знаете, такой приятной размеренностью. Плюс спокойная негромкая музыка. Джаз сменяли композиции великих композиторов, в частности, Бетховена и Моцарта, но это не выбивало из завораживающей тишины. Наоборот. Очень интересное сочетание.

– Еще кофе закажу, пожалуй. Что-то слабенький он у них здесь. И что это за дела такие, что курить в кафе нельзя? – Марк недовольно бурчал себе под нос, наверное, трудности на работе. – Официант, будьте добры, еще один кофе. Только на этот раз эспрессо, а то не бодрит ваш латте. Спасибо, – крикнул он через весь маленький зал.

Дятел, как я заочно прозвал для себя старичка, перестал стучать по клавиатуре и обернулся посмотреть на громкого посетителя. (Все это время он сидел к нам спиной.)

– Прощу прощения, – вежливо обратился к Марку официант за кассовым аппаратом. – Будьте добры сделать заказ у стойки, у нас самообслуживание.

– Ну и сервис… – Марк поднялся со своего места.

– У них здесь так принято, – улыбнулся я, зная, в каких местах он привык пить кофе. И какой кофе!

– Курить нельзя, кофе принести нельзя. Что у вас можно, дорогой человек? А у вас лицензия есть?

– Лицензия есть, – кивнул кассир, молодой человек довольно высокого роста. На вид ему было не больше двадцати пяти. – У нас можно наслаждаться атмосферой, музыкой и пить вкусный кофе. Еще у нас есть книга отзывов и пожеланий, принести вам?

– Да нет, не нужно. Ладно, все нормально, дружище.

Марк взял свой эспрессо, заплатил за него и вернулся за стол.

– Ох, как достало все! В редкий свободный час не могу спокойно расслабиться. Вот приходишь в «Гертруду Камбуду», и там тебе радость! Чашечка кофе? Не проблема! Причем кофе такой, что через двенадцать часов уснуть ночью не можешь. И кури на здоровье, хоть сдохни! А тут… вся эта музыка, вычурность. Зачем было окна ставить от пола до потолка? Зимы у нас лютые, между прочим. Посетители в декабре предпочтут на улице кофе быстро выпить, чем сидеть и мерзнуть в кафе. И вообще…

– Хватит, Марк, я понял. Что у тебя на работе?

– Да не спрашивай! – Он раздраженно тряхнул головой. – Бытовые разборки, убийства на почве ревности… Муж пытается засадить за решетку жену, жена – мужа. А ребенок старается оправдать обоих! Что за жизнь? Где семейные ценности? Друг друга обманывают, предают, убивают, раскаиваются, плачут и так далее. Как тут с ума не сойдешь? Изо дня в день накапливается. Я уже бирюком становлюсь, замкнутым, угрюмым… брюзжащим.

– Ага. – Я наслаждался своим нежным и пенистым капучино, он был прекрасен как никогда.

– Кстати, вот еще незадача. В церковь священники идти не хотят… ну, ты знаешь в какую. Говорят, там все стены пропитаны злом и ни одной молитвой это зло оттуда не выгонишь. Люди ее стороной обходят. Суеверный народ нынче стал. Летающие машины они хотят запустить, роботов строят, а сами верят в призраков, в дьявола и всякую другую чушь.

– И ты с этими роботами. Ха-ха-ха! – не удержался я.

– Так все о них говорят после вчерашнего обращения. Полицейских хотят заменить железяками… Серьезно? Кто убийц искать будет, составлять психологический портрет, изучать отпечатки, ткани кожи, волосы, ДНК? А стрелять в преступников они силой мысли будут или их лазерами оснастят? Ну и вздор. Куда катится наша страна!

– К роботам, Марк.

– Да иди ты… Ладно, извини, что-то и вправду грустно все.

– За сестру переживаешь? – Кажется, я понял, что его заботило на самом деле.

– Да, – признался он. – Уже неделю на связь не выходит. Хоть бы сказала, как все прошло, купила она квартиру или до сих пор снимает? Устроилась ли на работу? Не окружают ли ее ублюдки, как…

– Тс-с, мы здесь не одни. Не стоит произносить вслух то, что однажды может обернуться виселицей, – тихо, но строго сказал я. (Иногда бывало, что мы с Марком менялись местами и я на время будто превращался в его старшего товарища.)

Он кивнул:

– Да. Мне бы весточку от нее. Уже четвертую ночь плохо сплю, Домми.

– Придет твоя весточка, не стоит так переживать. Ей же не десять лет, она взрослая девушка, четвертый десяток на носу…

– Она всего годом меня старше, – недовольно уточнил Марк.

– Вот именно. А ты уже одной ногой кладбищенскую землю топчешь, обсыпаешься весь.

– Да ну тебя, я серьезно.

– Может, съездить к ней? Не думал?

– Если не выйдет на связь через несколько дней, возьму отпуск и поеду. Заодно и отдохну от всего этого. О, эта мысль определенно меня греет! – Мой старый добрый Марк наконец улыбнулся.

Мой единственный на свете друг. Мой герой и очевидный антипод моей личности.

– Самое время!

– Ладно, мне пора, засиделся. Опаздывать нельзя: шеф у нас как злая собака. Одно опоздание – словесный расстрел! Был рад увидеться, дружище, буду дома вечером, как всегда. Ты здесь еще посидишь?

– Да, мне нравится это место. И я был рад увидеться, удачного дня!

Марк отставил в сторону пустой стаканчик и направился к выходу.

– Прошу прощения, – натянув приветливую улыбку, обратился к нему кассир, когда тот уже был около двери. – Уберите, пожалуйста, за собой бумажный стакан.

– О Господи Иисусе, за что я попал в это место! – тихо выругался про себя Марк и вернулся к столику.

Я ему подмигнул.

С того самого дня я и силой бы не заставил Марка пойти в это кафе снова. Даже если бы во всем городе закончился кофе и закрылись все кофейни. Тут Марк был категоричен как никогда.

* * *

Поздним вечером того же дня.

– Привет. – Я прикрыл крышку пианино и выскочил в коридор, как только услышал скрип двери.

– Привет, Домиан. Плохие новости у меня.

– Относительно чего или кого?

Марк приступил к своему вечернему ритуалу – натиранию обуви до блеска.

– Относительно Мэри Мок.

Я посмотрел на него глазами, полными неведения и непонимания. Кто такая эта Мэри Мок?

– Ну твоя женщина с почты, которая поклялась, что лично поедет к президенту, если одноклассника ее сына не посадят… И плохие новости в том, что его не посадят.

– Что значит не посадят? И ты туда же?

– А она тебе сегодня утром не рассказала, по какой причине все отказываются рассматривать это дело?

– Нет, но какая может быть причина, чтобы покрывать преступника? Не понимаю.

– Там не все так просто, Домиан.

– Рассказывай.

Он закончил чистить обувь, и мы отправились на наше любимое место, где могли коротать будние вечера и выходные дни и ночи. За сигаретой, за стаканом бренди, за интересной историей…

– В общем, дело такое. Одноклассники поехали в лес, на природу, разумеется, без взрослых. Напились, как я понимаю, накурились, и думаю, что не только сигарет. Большинство прямо тут же и уснуло, а проснулись они от крика этого Райана Мока, которому прострелили челюсть. И все в один голос утверждают, что никто из их компании в него не стрелял и, конечно же, пистолета ни у кого и быть не могло. Сложность в том, что все в один голос утверждают, что стрелял охотник, неизвестный человек, проходивший мимо. По всей видимости, этот Райан был в их классе изгоем. – Марк в задумчивости взъерошил волосы. – А тот, кого он, точнее, Мэри Мок, обвиняет, – Адам Фокс. Недавно у его матери отобрали родительские права за пьянство и полное отсутствие заботы о своем

ребенке. Он живет вместе с дедом, тот взял над ним опеку.

– Значит, никто не хочет за это браться, так как все одноклассники утверждают, что Адам Фокс не стрелял в Райана? И вы им верите?

– Верим – не верим, это не имеет значения. Значение имеют только факты. Факт первый: по утверждению тринадцати человек, в том числе и самого обвиняемого, Адам Фокс спал в момент выстрела. Факт второй: подозреваемых по этому делу нет. Вот и все. Если бы нам принесли пистолет с пальчиками Фокса на рукояти, тогда да, без проблем. Посадим, как родного. А так…

– Понятно.

– Нужны улики против него, Домиан, и я это уже сказал Мэри Мок. Без них даже президент ничем помочь не сможет.

Мы курили, пили: я – чай, Марк – кофе. Мы проболтали всего час этим вечером, так как Марк был уставшим. Когда он ушел спать, я немного поиграл на пианино, а затем прилег и сам.

Думал об этом Адаме Фоксе…

* * *

Когда я проснулся, первым же делом позвонил Мэри Мок и попросил о встрече с ней и ее сыном. Она охотно согласилась, сказав приехать к ним домой после трех. Марк все равно сегодня не мог вернуться к обеду, а потому я без колебаний отправился к своей новой знакомой. Они с Райаном жили в центре города в одном из самых старых, сохранившихся с давних времен зданий.

– Здравствуйте, Мэри.

– Здравствуйте. Проходите, пожалуйста.

Я вошел в ее квартиру, и первое, что почувствовал, – запах духов. Таких старомодных «материнских» духов. Если вы понимаете, о чем я.

– Вот сюда, в гостиную.

Миновав короткий узкий коридор, мы попали в небольшую комнатку. Даже гостиная Марка была больше. (Эта квартира вообще не отличалась простором.)

Достаточно светлая комната. Два окна. Кровать рядом с одним из них, стол посредине, старинный деревянный комод. В комнате пахло старостью и явным отсутствием радости. Дух безысходности и тишины. Не самое приятное место, конечно. Какие люди – такое и жилье. Дома всегда впитывают нас в свои стены.

На застеленной кровати сидел молодой парень. Щуплый, намного худее меня (хотя я всегда считал себя тощее всех тощих), невысокий, с жидкими черными усиками и поникшим взглядом. Половину лица, рот и подбородок, скрывала белая повязка.

– Привет, Райан. Меня зовут Домиан. Я пришел, чтобы тебе помочь. Только для начала мне нужно понять, что же все-таки с тобой произошло. Расскажешь? Ну, в смысле… – я запнулся, уставившись на его повязку, – текстом наберешь? В телефоне или на ноуте, м?

Райан бросил жалобный взгляд на мать. «Ну, сколько можно?» – читалось в нем.

Мэри вздохнула.

– Райан, расскажи Домиану о том, что произошло в лесу. Больше тебя беспокоить не будем, обещаю тебе, сынок. – Она произнесла это спокойно, но ощутимо строго.

Ее слова произвели на него должный эффект. Он вытащил из кармана телефон и принялся довольно быстро набивать ответ.

«Мы с ребятами из класса поехали в лес отдохнуть. Выпили, хотели приготовить барбекю, но до этого дело не дошло, расстелили покрывало, многие уснули. Почти все…»

– Ты шутишь? Вы выпили и сразу легли спать? Что вы там пили и что пили раньше, вообще? Курили что-нибудь?

«Ну… виски с колой. Некоторые курили сигареты, некоторые травку. А что ты имеешь в виду под «раньше»? То есть когда собирались вместе в прошлые разы?»

– Именно. А кто из вас курил травку?

«Адам. Только он, остальные отказались. А до этого, когда собирались, пили то же самое».

– Боже… – покачала головой Мэри, следившая за нашим диалогом и читавшая, что пишет сын. – Если бы я знала, никогда бы тебя не пустила.

«Ну, мам…» – напечатал Райан и жалобно свел брови.

– Что было дальше, когда вы уснули? – нетерпеливо спросил я.

На сей раз пацан писал довольно долго.

«Мы с Адамом не спали. Я сидел в телефоне, он курил. Потом он подошел ко мне и вытащил из штанов пистолет. Я спросил, откуда у него пистолет и настоящий ли он. Адам сказал, что настоящий. Его подарил ему дед, чтобы отстреливать всяких гадов. У него дед воевал с вьетнамцами. Он тогда тоже это сказал. Я спросил, зачем он взял его на природу. Адам ответил, что хочет поохотиться. На людей. Он был под травой, не контролировал себя. Я уткнулся в телефон и продолжил болтать с Робом, это мой приятель. Но Адам от меня не отстал. Сказал: «Беги, Форест, беги. Иначе я заставлю тебя его проглотить!» – и приложил дуло к моим губам. Я сказал: «Сейчас закричу». А он говорит: «Как только закричишь, я выстрелю тебе в голову и утоплю этот пистолет в реке. Кто будет слушать историю такого ничтожества, как ты? От тебя постоянно воняет бабушкиными духами. Ты извращенец, ублюдок, повторять не буду, беги!» Но я не побежал, не поверил, что он сделает это. А он выстрелил мне в губы. Я закричал и разбудил всех. Вот и все».

– Понятно, – протянул я.

«Хорошо, что он меня обманул и пистолет оказался не настоящим, а пневматикой, иначе я бы сейчас с вами не разговаривал».

– Это так. Хорошо, спасибо, Райан. А, вот еще, ты брал в руки пистолет?

«Нет, вы что!»

– Хорошо. Мэри, можно с вами поговорить с глазу на глаз?

– Конечно.

И мы вышли с ней в другую комнату, маленькую спальню. По всей видимости, в ней спала Мэри Мок – ее духами пахло здесь еще сильнее. Небольшая такая каморка без единого окна, холодная, темная, со светильником, стопкой книг по психотерапии и кроватью.

Да, она жила своим сыном…

– Скажите мне, пожалуйста, адрес школы Райана и номер их класса. А также телефоны его одноклассников, если есть. И если вам известно, адрес, где живет дед этого Адама.

– У меня есть его адрес, но это бессмысленно. Я уже не раз к нему ходила, он даже слушать меня не стал. Он ничем не лучше своего внука. Или же наоборот… Семейка у них та еще. – Женщина покачала головой. – Домиан, а что говорит офицер Миллер? Они возьмутся расследовать наше дело?

– Зачем же, как вы думаете, он меня к вам послал?

Я улыбнулся Мэри, и она вздохнула с облегчением.

– Спасибо вам, Домиан!

– Пока не за что.

– Вам нужно от меня что-нибудь еще?

– Да, покажите фотографию этого Адама.

Глава вторая. Уродливое лицо правды, или Пробуждение дьявола

Первым делом я решил обзвонить одноклассников Райана, номера которых дала Мэри Мот.

– Добрый день. Могу я поговорить с Лолой Кейн?

– Она внимательно вас слушает.

– Вас беспокоит офицер полиции. Меня зовут Сомерсет Старлинг.

Я брякнул первое, что пришло в голову, ничтоже сумняшеся скрестив Сомерсета Моэма и Клариссу Старлинг. Кстати, получилось бы некое «Бремя страстей ягнячьих». Нужно будет дать на вооружение роботам…

– Вы про Райана и Адама? Так я уже все рассказала, что знаю.

– Позвольте задать вам еще несколько вопросов. Делом занялся другой отдел, и на этот раз занялся более серьезно.

– Вы хотите сказать, что Адама могут посадить ни за что?

Я проигнорировал вопрос.

– Скажите, Лола, кроме виски с колой ваша компания употребляла еще какие-либо вещества?

– Нет. Ничего больше.

– Как бы вы лично объяснили то, что почти все ребята уснули сразу, как выпили? И кстати, сколько примерно выпил каждый?

– Да по одному стаканчику, может, по два. Точно не больше. Не знаю… мы, наверное, все устали, офицер. Я сама об этом думала. А еще, может быть, виски

испорченное попалось. Такое бывает.

– Но вы бы тогда и желудок очищали все вместе. А судя по вашим показаниям, все выпили и легли спать как ни в чем не бывало. Вы же ходили раньше на барбекю? Там такого не случалось, верно?

– Да, но не знаю… Как-то вот так.

– Хорошо, Лола, я вас услышал, спасибо. А теперь собирайтесь в участок, сейчас за вами приедут. Не хотите откровенно говорить по телефону, значит, вами займутся в отделении уже совсем другие люди. Ваших родителей предупредите также, они поедут с нами.

– Простите, офицер. Что вы хотите услышать? Я вам клянусь, что спала в тот момент, когда в Райана стреляли, я ничего не видела. Открыла глаза, а у него челюсть в крови. И все. Больше ничего не знаю, клянусь вам всем, чем хотите!

Вот как… Вообще звучит довольно убедительно. Возможно, они и не сговаривались, просто не знали, что сказать. Но тогда…

– Хорошо, спокойнее. Кто из всех вас не пил виски?

– Адам и Райан.

Наконец-то я начал задавать правильные вопросы, и правильные ответы сами меня нашли. Чудесно!

– Почему они оба отказались пить?

– Адам… ну он… это…

– Курил травку?

– Ну да. Только я об этом вам не говорила. Пожалуйста, офицер! Адам сказал, что не хочет смешивать с алкоголем. Но… он сначала не хотел пить, а потом, позже, говорил нам, что увидел, как нас всех подкосило, и решил сам попробовать этот «убийственный виски». Говорил, что тоже заснул. Но никто

этого подтвердить не может, так как все свалились раньше.

– А Райан?

Лола вдруг засмеялась:

– А он у нас такой. Не пил никогда, не курил. Все с мамой в школу ходит и ее духами пахнет. Его не любят у нас.

– Почему тогда взяли его с собой в тот раз?

– Не знаю, он сам, наверное, попросился. Может, не хотел чувствовать себя никому не нужным изгоем. Адам всегда над ним издевался.

– Как, например?

– Не знаю, – моментально выстрелила она.

– Лола, – произнес я как можно ласковее, – не заставляйте меня…

Девушка вздохнула:

– Он бил его неоднократно. И постоянно обзывал тряпкой, ничтожеством и маменькиным сынком. Знаете, Адам вырос практически на улице, у него сложная судьба. Поэтому он измывался над ним изо дня в день. А Райан никогда за себя постоять не мог.

– Пистолет всегда при Адаме?

Она замолчала и ответила лишь спустя полминуты:

– Иногда он берет его в школу. Но не всегда.

– И последний вопрос, Лола. – Я постарался, чтобы мой голос прозвучал как можно серьезнее. – Как вы думаете, зачем Адам Фокс стрелял в Райана? Из-за травы?

– Думаю… да.

– …кто там, Лола? – послышался строгий мужской голос на заднем фоне.

– Офицер полиции, пап.

– А, ну дай мне телефон.

Я тут же положил трубку.

Благодарю вас, Лола Кейн, за ценные сведения!

С номера Лолы мне звонили одиннадцать раз – я ни разу не взял трубку. Чуть позже решил обзвонить других одноклассников Райана, но все они отключались, как только я представлялся офицером полиции. Некоторые даже говорили, что сами позвонят в полицию, если я еще раз их побеспокою.

Отец Лолы тот еще тип…

Следующим на очереди был Стэнли Фокс, дед Адама, ветеран войны.

* * *

– Мой внук ни в кого не стрелял, пошел к черту, ниггер!

Поприветствовал он меня, мягко сказать, не очень. Да и с чего, скажите на милость, «ниггер»? Стэнли стоял на пороге небольшого одноэтажного домика с ухоженным газоном перед ним. На этой улице все дома одинаковые, а вот соседи – вряд ли.

– Если ты сейчас же не уберешься с моего газона, я вынесу ружье и пристрелю тебя прямо там, где стоишь.

– Несите. Придется мне его у вас конфисковать, отец. А затем посмотреть, есть ли у вас на него лицензия. В нашем участке похолодало, знаете ли, возьмите

еще с собой шубу или какую-то теплую куртку.

– Я уже рассказал вашим все, что знаю, – проворчал он уже куда более спокойным голосом, чем минутой ранее. – Что еще надо?

– Ваш внук утверждает, что вы ему подарили пневматический пистолет.

– Да я ему голову с шеи снесу обыкновенной отверткой, если он в моем присутствии скажет то же самое. И он это знает.

– Вот поэтому он говорит об этом в ваше отсутствие.

– Ты что, здесь шутки шутить вздумал, умник сраный? Да я таких, как ты…

– Простите, я не совсем понял к каким именно вы меня определи. Сначала назвали меня темнокожим, затем недвусмысленно намекаете, что у меня есть вьетнамские корни.

– Пошел вон! – сказал Стэнли и плюнул мне под ноги. – Молокосос… А по поводу оружия я пошутил.

И он закрыл дверь перед моим носом.

Адама, по всей видимости, дома не было.

Уроки в школе уже давно закончились, а искать Адама на авось представлялось делом абсолютно бессмысленным и бесперспективным. Так что я пошел к себе.

А вечером того же дня меня ждал крайне неприятный разговор с Марком.

– Привет, как твой день? – спросил я как обычно.

Впрочем, судя по тому, что он забыл про свой ежевечерний ритуал натирания ботинок, было понятно, что день у него не задался. Кроме того, Марк смотрел на меня как на подозреваемого в массовом убийстве невинных приютских сирот и их миловидной воспитательницы в придачу.

– Не хочешь ничего мне рассказать, а?

Я понял, что упираться бессмысленно, он все знает. Вот нехороший какой человек этот Лолин отец.

– Хочу.

– Я тебя слушаю. – Он продолжал сверлить меня взглядом.

– Это был я. На этом все, – виновато произнес я.

– Ну еще бы это был не ты, мне сдали твой номер. Позвонили в полицию и начали говорить удивительные вещи, мол, некий офицер Сомерсет Старлинг допрашивает по телефону Лолу Кейн. Звонил, кстати, мистер Кейн.

– Не уловил мою иронию? Сомерсет Старлинг… звучит красиво!

– Нет, Домиан, не уловил, – рявкнул Марк. – Ты переходишь дозволенные границы, тебя могут посадить. И хуже всего, что упечь за решетку проныру-самозванца будет поручено мне.

– Это станет новым этапом в наших с тобой отношениях, Марк, – хихикнул я. – Я за решеткой, но все равно рядом с тобой!

– Не смешно, Домиан. Я говорю серьезно. Прекращай делать то, что делаешь, иначе и у меня, и у тебя будут проблемы. А проблемы нам не нужны.

– Марк, ну ты сам сказал, что нужны доказательства. Вот я их и ищу.

– Это не твоя работа. Поступай в школу полиции, окончи академию, и будем работать с тобой бок о бок. А сейчас твои действия незаконны. Ты меня понял?

– Да.

– Будешь еще заниматься самовольным расследованием?

– Нет.

– Замечательно.

И только тогда Марк – с важным и довольным видом – отправился чистить ботинки. Нет, о ритуале он не забыл, просто немного его перенес.

– Кстати, есть что поесть? – спросил он из коридора.

– Конечно, – улыбнулся я.

* * *

На следующий день я отправился в школу Райана как раз в то время, когда у учеников по идее должны были заканчиваться уроки…

– Адам Фокс, можно вас на несколько слов? Я офицер полиции Дунай Бах.

– Ну и имечко. Дунай… У вас точняк было нелегкое детство, а, офицер Дунай Бах? – Маленький шестнадцатилетний ублюдок стоял метрах в ста от основного школьного здания около небольшой безымянной постройки, куда скорее всего на переменах бегали школьники, курил сигарету и смотрел на меня, скаля желтые зубы. – Документы есть? А то вчера ребятам звонил какой-то…

Вокруг нас было ни души. Школа и так находилась в богом забытом месте, а уж за этой каменной коробкой, похоже, и вовсе когда-то случился Армагеддон – и все человечество вымерло.

– А теперь слушай меня внимательно! – Я изо всех сил цапнул его за куртку у горла и поднял над землей.

Этот отморозок-карлик напоминал моего бывшего одноклассника, знаменитого Онуха, только был более мерзок и, готов поспорить, никогда не комплексовал по поводу своего роста.

– Если ты сегодня не пойдешь в полицию с чистосердечным признанием, в скором времени проснешься в гробу в компании червяков. Заколочу тебя сверху гвоздями и закопаю в пятиметровую яму. Даже кроты не услышат!

– А-а… ПОМОГИТЕ!!!

«Не, это не вариант», – подумал я, когда увидел, как Адам Фокс выходит из школы посреди урока и топает за ветхую котельную.

Так, как я сейчас себе представил, я поступить не могу. Будет очень глупо. Если меня поймает полиция, а она меня обязательно возьмет, то какое-то время придется провести в тюремной камере, а мои отпечатки и группу крови попадут в базу.

Нет, не пойдет!

Поэтому я решил сделать иначе… и пошел к Адаму Фоксу:

– Сигареты не найдется?

– Допустим, найдется. А ты кто? Я тебя здесь ни разу не видел.

– Майкл. Будем знакомы. – Я протянул ему руку. – Новый учитель физкультуры, приехал по рекомендации в вашу школу.

– Учитель физкультуры просит у ученика сигареты? Нет, конечно, не мое дело, но… А что с мистером Гаем? Я его сегодня видел в школе.

– Ему придется уехать из города по личным делам на несколько недель. Мне поручено его заменить. Сейчас иду к вашему директору. Покурить вот решил напоследок.

– Ничего, что я здесь… тоже курю? – Адам протянул мне пачку. – То-то я смотрю, вы такой молодой, думал, может, бывший выпускник.

Черт, можно же было представиться бывшим выпускником – и никаких лишних вопросов.

– Мне все равно, куришь ты или нет, главное, чтобы не был слабаком.

– А это круто сказано, мистер…

– Коллинс.

– Да, мистер Коллинс.

– Ты из какого класса, кстати?

– Выпускного. Мне всего год учиться осталось.

– Куда дальше планируешь?

– В школу полиции. Хочу быть копом.

– Ты серьезно?

Я удивился, но, надеюсь, не выдал своего крайнего изумления.

– Ага. Я рос на улице среди грязи. Хочу отмыться и стать другим человеком.

– Странно, что ты заговорил о полиции. – Я сделал затяжку, выпуская дым чуть в сторону от его лица. – Когда я подходил к школе, ко мне пристал мужчина лет тридцати, наверное. Представился Дунаем Бахом, сказал, что ищет некоего Адама Фокса.

После этих слов зрачки подростка ощутимо расширились, и он уставился на меня как на смерть. Но я даже не подал виду, что что-то подозреваю.

– Я ответил, что пока никого здесь не знаю, приехал из другой школы на место…

– Погодите, что он еще говорил?

– Ну, спросил про этого Адама, сказал, что расследует какое-то дело, связанное с ним.

– Вот сволочь! – Он со злостью швырнул сигарету под ноги.

– Кто сволочь?

– Этот тип. Он вчера обзванивал всех моих одноклассников, представлялся копом. Даже ко мне домой приходил и моего деда доставал. Ветерана войны, между прочим. Мой дед слабый уже, мистер Коллинс, еле на ногах стоит, а он его все допрашивал. Гнусный ублюдок… Откуда он взялся?

– Так это ты Адам Фокс? – Я постарался удивиться как можно натуральнее. Хоть бы только не переиграть…

– Ну да, я.

– Так чего он беспокоил твоего больного дедушку, если не секрет?

– Ай, не спрашивайте, мать одного придурка-одноклассника ходит и на весь город воняет, что я выстрелил в лицо ее сыночку. Там у этого типа пол-лица нет, кто-то хорошо постарался, а он на меня все валит. Ну ничего, я им…

Затем он взял себя в руки, и разговор тут же стал менее открытым и более сдержанным.

– Длинная история, мистер. Факт в том, что меня пытаются сделать козлом отпущения. Этого Райана полшколы терпеть не может, он воняет. В прямом смысле слова! А еще он слабак – вырастила мать у себя под юбкой дочь с яйцами… простите за выражение. А теперь это недоразумение ходит по миру и вечно жалуется на жизнь. Фу-у.

– Но почему они думают, что это сделал ты? Ведь тот, кто стрелял, должен был оставить отпечатки на пистолете. Полиция проверила бы, и вуаля.

Мой диктофон на телефоне все записывал. Все! Каждое слово!

– Вроде они не нашли этот пистолет.

– Понятно. Нет улики – нет вины.

Честно сказать, я еле сдерживал себя, чтобы не ударить в лицо этого безмозглого кретина с тыквой вместо головы. Еще хуже, я захотел его убить… Чтобы такая безнаказанная мразь не топтала землю и не позволяла себе выходить за рамки дозволенного. Плевать я хотел на его трудное детство. Человек либо остается человеком, либо становится ублюдком. В этом ублюдке не было ничего человеческого. Даже несмотря на то что ему всего шестнадцать. В двадцать он совершит убийство, и его посадят в тюрьму. В тридцать выйдет, убьет еще больше людей и будет жить в бегах.

– Я не стрелял в этого гуманоида, клянусь вам. Мы всем классом на барбекю выбрались. Меня, по ходу, кто-то из одноклассников подставил. Один из них подсыпал снотворное в виски, усыпил всех, сам сделал глоток и выплюнул. Мы все тогда уснули… Не знаю, кто это сделал, но это был не я. Кто не спал – тот и стрелял в Райана. Вот и все. Не я точно.

Я развел руками:

– Ну, чего только на свете не бывает. История, конечно, неприятная… А что с пистолетом тогда? Откуда он вообще взялся и, самое главное, куда исчез?

– Не знаю. Ни того ни другого. Вообще в глаза его никогда не видел.

Я хмыкнул – со стороны это должно было выглядеть как задумчивость или растерянность, но на деле многозначительное «хм» относилось совсем к другому. Утром мне написал Райан, сообщил, что пистолет был сегодня у Адама с собой. А затем он, видимо, куда-то его спрятал, так как уже на плавании в его вещах Райан ничего не обнаружил. Пацан предположил, что Адам мог отнести его в котельную, куда он постоянно бегает по нескольку раз на день.

Покачав головой, я сказал:

– Ясно. Береги себя, а то этот Бах сказал, что вызвал подкрепление, вернется с полицейскими и будет обыскивать каждый метр школы в поисках пистолета.

Видимо, того самого.

Сам я внутренне хохотал, произнося всю эту чушь, а вот Адаму явно было не до смеха, он побелел и уставился в одну точку перед собой. Такое чувство, словно только теперь осознал, что отправляется за решетку.

– Слушайте, мистер Коллинс, мне что-то плохо. Чувствую, не добегу до туалета. Оставьте-ка меня на несколько минут в одиночестве. Живот скрутило не на шутку… Пожалуйста, и никому об этом. Прошу вас!

Его глаза были полны мольбы, он как мотылек, нет – навозная муха, угодившая в паутину голодного паука, начал изо всех сил барахтаться в поисках спасения. Адам хотел жить и хотел спасти свою никчемную шкуру.

И я на мгновение дал ему ощущение, что у него все получится.

Когда спустя три минуты он появился вновь, я одним ударом, как учил меня Марк, вырубил его: Адам как раз вырулил из-за угла котельной, получил боковым в подбородок и упал на землю. Я быстро ухватил его за куртку и потащил обратно. Там нас никто не заметит.

Даже обыскивать толком не пришлось, пистолет был спрятан у него под свитером, рукоять упиралась ему в живот. Я надел перчатки, купленные в аптеке недалеко от школы, и забрал то, что обеспечит Адаму несколько сладких лет в компании хороших порядочных парней. Гетеросексуалов, будем надеяться.

* * *

Выйдя из котельной, я направился к ближайшему метро. Нужно было срочно поймать Марка.

Встречу я ему назначил в том же самом кафе, где мы сидели в прошлый раз.

– Не буду здесь ничего заказывать, – пробурчал он, подсаживаясь за столик.

– Как хочешь. Марк, я достал улику!

– Что? – Он уставился на меня во все глаза.

– В пакете лежит пистолет, из которого Адам Фокс выстрелил в Райана Мота. – Я передал ему пакет под столом. – Сними отпечатки пальцев, не теряй времени. Этот ублюдок скроется, если будешь медлить.

Марк ничего не сказал, только закрыл глаза ладонью и тяжело вздохнул.

– Домиан, если твое имя хоть где-нибудь…

– А это диктофон. – Я положил аппарат на стол и подвинул к Марку. – Послушай на досуге. Я сделал твою работу.

– Где сейчас Адам?

– Думаю, что ты его найдешь возле школы. Я вырубил его рядом с котельной, но скорее всего он уже оклемался. Позволь мне остаться в тени, Марк, прошу тебя.

– Если тебя найдут, Домиан, я ничем тебе помочь не смогу.

После этих слов он поднялся с места с черным пакетом в руках. В нем не было видно содержимого – плотный надежный пакет. Со стола Марк забрал диктофон и вышел из кафе…

С работы в тот день он вернулся гораздо раньше, чем всегда. И на сей раз опять отложил свой повседневный ритуал, просто снял ботинки и очень близко подошел ко мне.

– У меня есть две новости. Одна хорошая, другая непонятно пока какая. С какой начать? – Его голос был холодным, но спокойным.

– С любой.

– Домиан, тот пистолет, который ты мне дал, зарегистрирован на имя Генри Фокса, деда Адама.

– Ну это понятно.

– Но не совсем понятно вот что. На нем отпечатки троих людей. Генри Фокса, Адама Фокса и… как ты думаешь, кого?

– Ну, наверное, кого-то из семейки этих Фоксов. Там у всех с головой проблемы.

– Не угадал. На нем отпечатки Райана Мота. Причем отпечатки Фоксов были исключительно на рукоятке, а Райана – на спусковом крючке. Это он стрелял, Домиан.

– Невозможно. Просто не может быть… – Я замер в ошеломлении. – Его подставили!

– Нет, он во всем признался. Он единственный, кто не пил виски из всех присутствующих, он не переписывался в мобильнике, как утверждал ранее, со своим приятелем. Мы изучили его телефон – ни одного сообщения в тот период, когда они были на природе, отправлено не было. Да в общем, он уже сам все рассказал. Написал, точнее.

– Но зачем? Зачем себя калечить, Марк? Это абсурд.

– Адам Фокс – действительно гнусный малый. Издевался над Райаном, его мать называл вонючей старухой, которую… – тут Марк слегка запнулся. – Цитирую: «Которую никто не трахает, потому что от нее воняет старьем». Райан многое мог вынести в свой адрес, но оскорбления матери стали последней каплей. Он хотел убить Адама за эти слова. В тот же день вилкой в столовой у всех на виду. Но потом у него созрел план, как посадить мерзавца в тюрьму на несколько лет, и спустя несколько дней Райан воплотил свой план в жизнь. Адам Фокс, побоявшись, что на стволе найдут его отпечатки, спрятал оружие в лесу, а позже забрал оттуда.

– Но зачем Райан сказал, что Адам носит пистолет с собой в школу и прячет там? В итоге ведь все бы обнаружилось.

– Нам он объяснил это неверием, что у тебя, Домиан, что-то получится. Думал, что Адама смогут посадить и без этого пистолета. Главное, чтобы эффект от

созерцания разнесенной челюсти подействовал на полицию, прокурора, президента, в конце концов. Такая вот история.

– И что теперь с ними будет? Обоими.

– Кто его знает, Домиан. Они несовершеннолетние, если смогут между собой договориться, то, возможно, и не случится ничего критичного. Кстати, у нас в участке Адам Фокс попросил прощения у Райана за свои слова.

– И что Райан?

– Он аккуратно развязал бинты и плюнул ему в лицо.

* * *

В участке…

«Твоя мать – чертова алкоголичка, Адам, ей всегда было плевать на тебя».

– Я знаю, Райан. Может, потому я и ненавидел тебя все эти годы. Потому что у тебя была хорошая мама. Потому что тебе, брат, повезло больше, чем мне… У меня просто яйца железные. А если бы они были железными и у тебя, ты бы за свою маму разнес челюсть мне, а не себе. Кстати, офицер, пригласите ее сюда, хочу, чтобы она мне плюнула в лицо. Хочу попросить у нее прощения тоже.

Глава третья. Я хочу убивать

Однажды, когда я играл на пианино, а Марк сидел и слушал, он вдруг сказал, что моя музыка сильно изменилась. Изменился стиль. Он связывал это с тем, что я взрослею и смотрю на мир уже совершенно другими глазами. Что ж, он не ошибся…

За последний месяц я написал три мелодии, но никому не говорил, как их назвал. Для всех они были безымянной музыкой Домиана. Но не для меня.

Первая мелодия называлась «Глаза отца Гренуя» – полная боли, отчаяния и безысходности, подобно «Реквиему» Моцарта. Вторая – «Прощание с Линдой». Она уже воспринималась совершенно по-иному, словно ранние композиции Шопена: в ней таились и надежда, и горечь, и мимолетная грусть, и даже радость. Третью я назвал «Духи, которых был лишен…». О, вот эта композиция не была похожа ни на что вообще, только на саму себя. Мрачная, непонятная даже для меня, пронизанная любовью и местью, как творение одного корейского режиссера, Пака Чхана Ука, которое принесло ему всемирную славу. Если уж и сравнивать, то она была подобна «Олдбою», только в музыке.

Да, я играл теперь по-другому, в моей музыке становилось все меньше света и возвышенности и все больше того мира, который меня окружал. И тех людей.

– Ты взрослеешь, Домиан, – задумчиво произнес мой друг. – Ты звучишь совершенно иначе.

– Я знаю, – ответил я, продолжая играть «Глаза отца Гренуя».

Когда я наконец закончил, плюхнулся на свой диван у окна и спросил у Марка:

– Что там с Элизабет, она вышла на связь? Мне показалось, ты выглядишь бодрее.

– Серьезно? – улыбнулся Марк. – Да, она позвонила мне сегодня днем и сказала, что у нее все в порядке. Ей дали хорошую рекомендацию в том ресторанчике, где сестра работала раньше, и она устроилась в другое кафе недалеко от своей новой квартиры. Нужно будет как-нибудь выбраться к ней, выпить кофе. Что скажешь? Поедешь со мной?

– Конечно, куда я денусь, – улыбнулся я в ответ. – Когда думаешь брать отпуск? Она, кстати, снимает жилье или уже купила?

– Купила. Говорит, буквально на днях закончилось переоформление. Теперь Элизабет – собственница. Говорит, ей очень нравится эта квартира. Две комнаты, большая светлая кухня с окном, приличная ванная…

Он почему-то снова загрустил.

– Скучаешь по ней?

– Очень. Я всегда за ней присматривал, мог приехать в любое время и решить любую проблему. А там ей придется разруливать все одной. Там меня нет.

– Может, оно и к лучшему. Ей тоже пора взрослеть и решать свои проблемы самой, по крайней мере, пока у нее нет мужчины, который возьмет их на себя.

Марк усмехнулся и взглянул на меня фирменным взглядом «давай, поучи отца детей делать». Но потом вздохнул:

– Ты прав. Не думал просто, что этот момент наступит так скоро.

– Ничего себе скоро! Ей уже тридцатник, дружище. Ты до пятидесяти хотел о ней заботиться?

– До самой смерти, если потребуется. Тебе не понять, ты вырос один. А я с детства смотрю в ее сторону, чтобы она была тепло одета, чтобы не связывалась с дурными людьми, чтобы не попробовала наркотики и так далее.

– Знаешь, может быть, ей и не нужна была такая чрезмерная забота. Наверняка все мужчины держались от нее на расстоянии. Сам подумай – отец полицейский, брат курсант полицейской академии. Не каждый себе позволит близко подойти к такой девушке.

– Но этот подошел…

– Слушай, по одному нельзя судить всех, ты и без меня знаешь. Надеюсь, то, что уже однажды растворилось в воздухе, больше не материализуется.

– Но это мне и не дает покоя, Домиан. Я постоянно думаю о сестре и о ее безопасности.

* * *

Мы еще о многом говорили этим вечером…

Когда Марк ушел спать, я уставился в свой ноутбук и нашел то, что не давало мне уснуть этой ночью. Вчерашнее видео.

Заседание в суде. Педофила приговаривают к ста пятидесяти девяти годам строгого режима. Этот монстр убил и изнасиловал двенадцать маленьких девочек от четырех до одиннадцати лет и семь мальчиков примерно того же возраста. Прямо в зале суда один из присутствующих достает из кармана куртки револьвер и стреляет в преступника на глазах у сотни человек. Нет, он не убил это животное, лишь ранил в руку.

Как потом выяснилось это был отец одной из девочек. И никто понять не мог, как ему удалось в зал суда пронести оружие. Его посадили.

Я думал, много думал. Во мне медленно, но уверенно просыпался дьявол. Руки начали дрожать, а внутри развернулся диалог моей личной Тьмы и моего Белого, вернее даже, Разумного…

Я его убью, такой мрази не место в тюрьме, его место в аду. Эти нечеловеческие большие глаза даже не пытались осознать того, что они сделали, на какую жизнь обрекли несколько десятков людей, которые остались жить с фата-морганой, с призрачной надеждой на то, что у них все еще может наладиться в жизни. Я уже не говорю о том… Не говорю о том!

Нет, не могу я его убить! Посуди сам, Домиан, если ты убьешь его, тень подозрения может коснуться и перегнившей туши Гренуя – некоторые умы могут связать между собой эти две смерти, если и там, и там на горизонте будет маячить твоя фигура. А как начнут копать глубже, обязательно раскопают и труп твоего учителя, скончавшегося девять лет назад. Вот тогда-то полиция и придет за тобой! А твой друг Марк, поняв, в чем дело, возможно, первым приставит ствол тебе ко лбу и попросит проследовать в участок. А может быть, и нет. Возьмет и пустит пулю тебе в лоб безо всяких раздумий, и ты не успеешь ничего сделать. И возможно, его пуля окажется быстрее твоей мысли, Домиан. Подумай об этом…

Да что может заподозрить полиция, если какой-то педофил-ублюдок, забравший жизни двух десятков маленьких детей, вдруг скончается в своей камере? Да никто не станет в этом копаться! У него куча врагов, желающих его смерти, в рядах самой полиции. Так что сдохнуть в тюрьме – это дело естественное и

нормальное. Чего тут думать вообще? Бери и делай. Сотри с лица земли чуму, заражающую неизлечимой болезнью всех, кто находится с ним рядом. Убей его. Иначе лет через десять-пятнадцать это животное скажет, что глубоко раскаивается, и подаст прошение о досрочном освобождении за примерное поведение. Его могут выпустить. И вместо двадцати тел, полиция в его дело запишет еще столько же, а может быть, и больше. А он снова начнет раскаиваться… Домиан, пора тебе надеть маску «врачевателя чумы» и раз и навсегда покончить с «черной смертью». Вспомни остров около Венеции, который не вспомнит сейчас никто. Хочешь, чтобы этот гад превратил твой город в Повелья?

До сих пор не придумали лекарство от чумы. По сей день не придумали лекарство от педофилии…

Не думай даже, Домиан, поступай, как велит твое сердце!

Но я не знаю, получится ли у меня убить на расстоянии – лишь взглянув на экран монитора. А тем более – на записанное видео! Возможно, убийство происходит, только когда я лично смотрю в глаза человеку, чувствую его энергетику и могу вмешаться в нее. Но если это так, тогда я не смогу подобраться к педофилу, а если и получится, то попаду на камеры видеонаблюдения, и сразу же после того, как его туша рухнет на пол, меня со стопроцентной вероятностью арестуют… хотя бы просто на всякий случай. Нет, если у меня не выйдет провернуть это на расстоянии, значит, не пойду на такой риск. Ни за что не пойду!

* * *

Мне показалось, что я сумел договориться с Тьмой и она на некоторое время поутихла, но это мне только показалось…

В три часа ночи я проснулся в холодном поту. Мне приснился кошмар: этот монстр касается своими руками какого-то ребенка, чьей-то маленькой дочери, которой нет и шести. У нее пшеничные волосы, синие глаза…

Я вскочил как ошпаренный, без промедления взял в руки ноут и открыл видео. Не знаю, получится или нет, но я это сделаю.

Еще раз я взглянул убийце в глаза – он стоял и улыбался судье, как раз перед выстрелом отчаявшегося отца ребенка. Я закрыл веки и представил, как беру в руки охотничий нож, огромный тесак и изо всей силы – внутренней силы – вонзаю ему в горло. Пока он улыбается, пока его сонная артерия еще пульсирует…

Я это сделал. Не знаю, будут ли какие-то последствия. Возможно, вообще ничего не произойдет. Ведь прямого контакта не было. И это даже не прямая трансляция, а всего лишь запись.

Немного успокоившись, когда мой дьявол сладко уснул во мне, оставив после себя приятное расслабление в теле (как теплый душ после трудного дня, а затем пенистые волны ванной), я закрыл глаза и, кажется, в тот же момент провалился в глубокий сон. Нет, не кажется, так оно и было.

* * *

Наутро я проснулся от мысли «получилось или нет?». Но уже ближе к обеду попросту забыл обо всем и принялся писать новую музыку. Мои слушатели требовали новых творений, бурлящий живот требовал от меня еды. Все взаимосвязано, не могу же я все время просить Марка покупать еду, я и так сполна воспользовался его добротой. Он вытащил меня из-под поезда, разрешил пожить у себя дома… Пора бы самому становиться на ноги.

Марк позвонил ближе к двум, сказал, что скоро приедет домой на обед. Я тем временем сбегал в ближайший магазин и купил половину нашей фирменной курицы-гриль, которую мы обожали оба. Вернувшись, я понял, что он уже в квартире, потому что дверь была открыта.

– Марк, ты тут?

– Ага. На кухне, – послышался его голос. – Что принес? – спросил он, когда я появился на кухне.

– Угадай с одного раза, – хихикнул я.

– Если то, о чем я подумал, – я тебя расцелую. Так хочется есть, целую корову сожрал бы.

– Целовать не надо! – быстро отмахнулся я. – А курицей угощайся.

Мы помыли руки и сели разламывать бывше-пернатое существо. Себе я забрал ножку, Марку оставил все остальное.

– М-м-м… как будто вечность не ел!

Честно сказать, я разделял его удовольствие.

За кофе Марк немного расслабился, принялся рассказывать о рабочих делах (из тех, о которых можно было рассказать).

– Да, кстати, – произнес он в какой-то момент. – Помнишь тот репортаж о педофиле, который мы на днях смотрели? Так вот в местной тюрьме кое-что случилось.

Я замер. Ох… неужели?

– Что случилось?

– Умер он. Коллеги сообщили. Однако там занятная история получается. Накануне отправки в тюрьму его тщательно проверили все возможные врачи. Сердце у него было крепкое, как у свиньи, и подохнуть от сердечного приступа он мог только во снах семей, которые лишились своих детей. Но мистика в том, Домиан, что этот ублюдок скончался сегодня ночью именно от приступа. Сидел он в одиночке, никаких побоев, никаких отпечатков на теле. Совсем ничего. Вот днем был абсолютно здоровый педофил, приговоренный к двум сотням лет, а ночью – труп. Все, разумеется, вздохнули с облегчением. Ты бы знал, что началось в тюрьме! Семьи этих бедных детей пришли все вместе, требовали сжечь его тело или расчленить и скормить бешеным собакам. Это был праздник в самом плохом смысле этого слова. Об этом еще напишут в газетах, вот увидишь. Мразь он, конечно, редкостная, если б не сдох, убитых было бы гораздо больше, и к шарлатанам не ходи. Так что получил по заслугам.

– Это хорошо, – пробормотал я неуверенно. Честно, я даже не знал, что нужно говорить.

Кажется, сработало.

– Неплохо, да. Вообще, ты заметил, в последнее время преступники стали мереть от инфарктов: то отец Гренуй, то эта тварь – прямо падёж какой-то.

И хотя Марк не сказал ничего из ряда вон выходящего – праздная фраза, не больше, – сердце у меня заколотилось с такой силой, что показалось, я сейчас выплюну его на тарелку. Я отложил в сторону кусок курицы и направился к крану, помыть жирные руки. Нельзя забывать, Марк умный. Марк очень умный. И если пока он просто ляпнул, что в голову пришло, впоследствии (если таких смертей станет больше) он начнет связывать одно с другим. Я, конечно, никакого отношения к гибели педофила формально не имею, но… на воре и шапка горит – не сболтнуть бы чего лишнего.

В общем, был бы рад, если бы мы тут же и закрыли эту тему, но Марк продолжал разглагольствовать:

– Нам все это на руку, разумеется. Одним убийцей меньше – меньше несколькими убийствами. Но выглядит прямо как гром небесный поражающий. С отцом Гренуем все можно списать на старость, конечно, – от горя отдал душу черту. Но этому-то экземпляру не было и сорока, и сердечко у него было целое, дай бог каждому.

– Ну, совпадение, – пожал я плечами. – Не кара же Иисуса Христа, в самом деле.

– Не кара. Но что-то похожее.

– Ну знаешь! Сам же вечно ворчишь, что не веришь во всю эту чертовщину. Разве нет?

– В чертовщину – нет. А вот в человеческий фактор – да. Возьмем нашего Гренуя. Он скончался в тот самый час, когда охранник покинул церковь, да еще и любезно не запер библиотеку, где были найдены эти посудины с кровью жертв. Прямо подарок судьбы. Естественно ли это? Вроде бы вполне. Но честно говоря,

обычно так не бывает. А если уж совсем честно – не бывало ни разу за всю мою практику. Чтобы убийца, особо опасный серийный убийца, которого ищет каждая собака в этом городе, вдруг скоропостижно скончался, а перед этим заботливо выложил все улики на самом виду. Заходите, мол, смотрите, наслаждайтесь. Я помню, в тот момент, когда мы обыскивали церковь, у меня возникло чувство, словно все это совершил кто-то посторонний. Обставил так, чтобы мы смотрели и говорили: «О боже. Как он мог?! Вот уж на кого, на кого, а на отца-то Гренуя и не подумали бы». Еще и соседка, Линда Олбрайт, откуда она вообще тогда взялась? Все как по заказу произошло. Или приказу… Мне до сих пор кажется, что кто-то тогда сделал за нас всю работу. – Марк потер затылок, улыбнулся немного виновато. – Странная мысль, понимаю, но она имеет место быть, хотя бы в теории. В общем, знаешь, это между нами.

– Звучит фантастично.

– Ну и пусть, но никто не может отобрать у человека право размышлять так, как ему вздумается. – Видимо, Марк заметил мои нахмуренные брови и напряженный взгляд, потому что вдруг рассмеялся. – Ладно тебе, не напрягайся, всем нам стало легче оттого, что эти двуногие лежат вскрытыми в морге. Однако… я, пожалуй, кое-что проверю. Это не дает мне покоя с того самого мига, как мы обнаружили тело отца Гренуя.

– И что же? – Я постарался взять себя в руки и произнести вопрос как можно небрежнее.

– Да так, одно предположение. Не забивай голову. Лучше музыку пиши, а то, смотрю, лавры Пуаро до сих пор не дают тебе покоя. Слишком далеко ты зашел с Адамом Фоксом, глядишь, и еще что-нибудь выкинешь. Это ж надо было отдубасить бедного маленького школьника! Да так, чтобы он потом ходил и держался за подбородок несколько дней. Хорошо, что ты не коп, Домиан, иначе тебе бы здорово влетело.

Я предпочел не комментировать его выпад, демонстративно вздернул нос, мол, нечего читать мне нотации, и отвернулся. Марк насмешливо хмыкнул, быстро разделался с кофе и отправился обратно на работу.

* * *

Что же он хочет проверить? Что не дает ему покоя?

Мысли крутились в голове без остановки.

Неужели я оставил в церкви свои отпечатки? Вроде нет, отец Гренуй сам открыл мне дверь и пустил в келью. Что я трогал в ней руками? Ничего! Совершенно ничего… кроме книги «Старик и море» Хемингуэя, но ее я забрал с собой, она лежит на пианино. Кстати, да, это улика. Нужно от нее немедленно избавиться!

Я тут же вскочил с места и рванул в гостиную. Книжка обнаружилась именно там, где я ее оставил. Одевшись, я сходил и выбросил ее в мусорный бак. Сверху высыпал содержимое нашего мусорного пакета, чтобы она не валялась на виду. Кажется, у меня уже вовсю начала развиваться паранойя потому что я вдруг решил, что Марк может за мной следить. Так что, едва вернувшись домой, я сразу же вышел обратно, проверить, не прячется ли мой друг за углом, а убедившись, что там его нет, решил пройтись немного по улице и осмотреться, не припарковал ли он где-нибудь подальше свой автомобиль.

Но нет, ни Марка, ни его автомобиля я не обнаружил. Обыкновенная паранойя, и не более того! И вообще я чист, как страницы новоиспеченного блокнота.

…Целый день во мне то пробуждалась, то засыпала жажда. Жажда отнимать жизни убийц, маньяков, педофилов, насильников, в общем всех, ради кого следовало бы отменить смертную казнь.

Во мне говорил монстр, та темная сторона меня, которая была наделена нечеловеческой силой и могла бы наделать столько зла в этом мире, что от него бы остались одни руины и я.

Дьявол сладко пел мне, что нужно очистить сначала весь город, а затем страну и мир от преступников. Чтобы любое преступление было подобно смерти. Ты совершил тяжкий грех, тебя поймали, ты мертв! И тогда зла не будет в целом мире вообще, люди будут бояться делать хоть что-то плохое, зная, что после этого их ждет неминуемая кара. Дьявол нашептывал мне, чтобы я благородно защищал добро. Он полагал, что я глуп, думал, я совершенно не понимаю того, что он предлагает мне – бороться со злом, делая зло.

Самый главный враг для меня – мой внутренний голос. И я понимал это с каждым днем все больше и больше.

А спустя несколько дней в моей жизни появился он. Тот, из-за кого я, не задумываясь, выпустил бы своего дьявола наружу. Тот, кто должен был следующим отправиться в путешествие к моему учителю музыки и отцу Греную…

* * *

Как обычно, я сидел за фортепиано, записывал ноты новой мелодии и думал о том, что пора бы написать матери, сказать ей, что жив-здоров. Внезапно позвонил Марк и взбудораженным голосом попросил, чтобы я к обеду приехал в кафе возле его работы. Кафе любое, «только, чтобы там можно было спокойно курить и заказывать кофе одним щелчком пальцев». Ладно, не вопрос. К назначенному времени я выбрал подходящее для Марка заведение.

– О, совсем другое дело, Домиан, – констатировал он, войдя в двери и обозрев клубы дыма вокруг. Он присел рядом и немедленно достал сигарету, чтобы закурить.

– Все, как ты любишь, Марк, – развел я руками. – Что случилось? Зачем ты меня вызвал? Что за срочное дело?

Но даже если дело и было срочным, никакой торопливости в спокойных движениях Марка не чувствовалось. Он довольно вальяжно подозвал официанта.

– Один эспрессо, будьте добры. И лучше двойной, такой, чтобы я от земли, смешанной с кипятком, не отличил. Спасибо, дружище. – Марк улыбнулся, а затем повернулся ко мне и сказал уже серьезно: – Домми, у меня к тебе предложение. Не руки и сердца, не бойся.

В моих глазах застыл вопрос, а Марк тем временем курил сигарету и разглядывал меня.

– Ну?

– Помнишь, я говорил, что планирую взять отпуск? Так вот, отпуск мне не дали, но дали нечто похожее на отпуск. Командировку в один заштатный городишко, нужно помочь местной полиции в расследовании. Проезд, жилье и продукты – это все мне оплачивают. Отправили с напарником, Джереми, но он свалился с каким-то жутким гриппом. А выехать нужно срочно. И я тут подумал… давай-ка ты скатаешься со мной, Домиан.

– Я? Но я ведь не полицейский? Если только просто за компанию.

– Естественно, за компанию. Но это решит сразу две, нет, даже три проблемы.

– И какие же? – осторожно спросил я. Иногда я терялся, не понимал, шутит Марк или не шутит и что вообще у него на уме.

– Во-первых, ты будешь со мной, а не останешься один в пустой квартире.

– О-о-о… – Я демонстративно закатил глаза. Ну да, раньше у меня были проблемы с депрессией и всякими подобными штуками, но все давно в прошлом. Что я Марку и высказал, присовокупив толику недовольства: – У тебя какой-то синдром няньки! Нет возможности присматривать за Элизабет, значит, нужно пасти меня, так?

Мой друг негромко засмеялся:

– Что-то в этом роде, согласен. Но мне правда так будет спокойнее. Впрочем, это не основная причина моей просьбы. Возможно, в поездке я дам тебе реализовать свой детективный зуд.

Я разом вскинулся:

– Это как?

– Меня направляют туда консультантом, наблюдателем. Но предоставят все данные, всю информацию, которая имеется по делу.

– По какому делу?

– Убийства, самые обыкновенные убийства. Но исполненные с особой жестокостью и не самым стандартным методом. Я в машине расскажу тебе подробности. А поскольку ты неплохо проявил себя тогда с Гренуем, я подумал, что и здесь можешь пригодиться. В общем, если у тебя нет существенных возражений, допивай свой капучино и пулей лети домой собирать вещи. Выезжаем сегодня вечером.

Я даже растерялся от такого напора. Но… мне правда очень хотелось поучаствовать в этой авантюре и поработать с Марком бок о бок хотя бы какое-то время.

– Чего замолчал?

– А пианино? Я не могу без музыки.

– Расслабься, этот вопрос мы решим. Я уже связался по телефону с шефом полиции того поселка, спросил, есть ли у них музыкальная школа. Так что время от времени будешь ходить играть туда.

– Это какой-то совсем провинциальный городок?

– Да, захолустье еще то.

– Тогда чему ты так радуешься?

Он аж сиял от счастья.

– А это решает нашу третью проблему. Элизабет живет всего в двадцати километрах оттуда. Так что смогу ее навещать. Уже не терпится пропустить несколько стаканчиков бренди у нее в кафе! В общем, все как я хотел, только не отпуск.

– И как называется городок?

– Догма.

– Ты шутишь?

– Нет, я серьезно. Дружище, сегодня мы отправляемся в Догму.

Глава четвертая. Догма

В это странное и совершенно не входившее в мои планы мини-путешествие я отправился налегке, как, впрочем, и Марк. Он заехал за мной вечером, проверил, выключены ли все электрические приборы, зашел в свою спальню, его личный бункер, куда я практически никогда не заглядывал. Однажды Марк сказал мне, что это единственный на свете уголок, где он может побыть один наедине со своими мыслями, и я решил не тревожить его своим появлением в месте покоя.

Мы выехали из города где-то около одиннадцати. По словам Марка, Догма находилась в шести часах езды.

– И все же почему ты взял меня с собой? – спросил я в дороге. – Насколько понимаю, дело предстоит серьезное. Зачем тебе дилетант?

– А тех причин, что я перечислил, тебе мало?

– Мало, – кивнул я.

Марк ненадолго задумался.

– Знаешь, в глубине души, там, где больше человеческого, чем полицейского, мне понравилось твое стремление помочь Райану и его матери. Ты сам провел собственное расследование, допросил свидетелей… – тут он улыбнулся, – точнее, одного свидетеля, но это не важно. Мне кажется, ты подходишь на роль консультанта-детектива лучше, чем кто-либо другой из моих коллег. Понимаешь, тут еще такой нюанс: сегодня полицейский не имеет тех прав, которые имел еще лет пять-десять назад. Сейчас за побои, пусть даже во имя благой цели, жестоко карают. Могут не только отстранить от дела, но и отдать под суд. А потому полицейские в нашем городе, в частности и я, нежны и очень осторожны в своих высказываниях и методах работы. Но иногда… одним словом – ты будешь мне хорошим напарником на некоторое время.

Пару минут я задумчиво созерцал мелькающие за стеклом силуэты деревьев и далекие огоньки цивилизации.

– Ладно. Расскажи о деле, Марк. Я же представления не имею, что это за город такой и что тебе было поручено.

– Дело у нас с тобой, Домиан, серьезное. Вряд ли, конечно, нам удастся с тобой его закрыть, однако для успокоения местной полиции мы обязаны присутствовать в Догме некоторое время. Шеф дал мне на все про все две недели.

– Ты скажешь уже наконец, что там случилось, или будешь и дальше меня загадками мучить?

– Два убийства. Жестоких и хладнокровных. Нет ни улик, ни свидетелей, ни догадок, а что самое дурное во всем этом – нет конкретного подозреваемого. То есть в городке, где живет человек пятьсот, вряд ли больше, и где все друг друга знают, орудует убийца, не оставляющий никаких следов, которого никто не видел. Но все местные жители боятся его до ужаса. Многие покинули город, как только полиция нашла второй труп, но остальным некуда сбежать, поэтому они остались.

Марк коротко посигналил вяло плетущейся по трассе фуре, обогнал ее и продолжил:

– Итак, на сегодняшний день мы имеем две жертвы, два трупа. Первая жертва – тридцатичетырехлетняя Маргарет Бош, ее забили до смерти пока неизвестным для нас орудием, предположительно топором, и, возможно, добавили камнем, кувалдой или большим молотком. Лицо всмятку, на теле ни одного чистого места без гематом и глубоких ран. Чтобы ты понимал, Домиан, – то, что от нее отваливалось, пока тело уносили с места преступления, складывали в пакетик. Ее избили так, что это кажется невозможным, мне ни разу в жизни не доводилось видеть подобное. Вот, взгляни.

Он вынул из нагрудного кармана пальто две фотографии и протянул мне. Жуткое зрелище. На какой-то момент мне реально стало плохо. Ком тошноты подступил к горлу…

– И если ты думаешь, что я в тот день, шесть лет назад, совершил нечто подобное, ты глубоко заблуждаешься. Это не убийца, а мясник.

Я вспомнил рассказ Марка про события шестилетней давности. Да, он тоже умел быть жестоким, но все же не так. Нет, совсем не так. Кроме того, месть и чудовищное изуверство на пустом месте – вещи, мягко говоря, разные.

– На второй фотографии Марта Лейк, девушка двадцати пяти лет. Она была беременна.

– Боже…

Я вернул Марку фотографии и угрюмо уставился в окно. Лучше бы я этого не видел. В любимых мной детективах такого не писали. Если бы, читая книгу, я наткнулся на нечто подобное и моя фантазия нарисовала бы живую картинку, я бы тут же выкинул детектив в помойку и никогда в жизни не взял бы в руки такую немыслимую грязь, сотканную из жестокости, крови и тени настоящего мясника, монстра. Даже если бы на месте людских тел были туши животных, я бы все равно испытал невероятное отвращение, страх и тревогу.

– Марк, не хочу показаться трусом, но зря ты меня втянул во все это. У меня даже от фотографий волосы дыбом встали и внутри просто ком горящий… какой-то животный страх. Такого раньше со мной не было. Этот… Мясник, похоже, вообще отбитый на голову; не удивлюсь, если он состоял на учете в психлечебнице или просидел там долгие годы взаперти. Нужно проверить…

– О, как говорил Эркюль Пуаро, началась работа серых клеточек, да? Но это уже проверили тогда, когда нашли первый труп. Безрезультатно. Ни один человек из Догмы не состоял на учете в клиниках, а уж тем более – не лечился там. И еще важное – никаких приезжих в поселке в те дни не было. То есть это и не какой-нибудь залетный помешанный гастролер. Спрятаться там, насколько я понял, особо негде, если только в лесу, но лес в округе тщательно прочесали сами жители вкупе с полицией, да и холодно уже по лесам-то ныкаться. Наш убийца не сумасшедший, нет, а самый что ни на есть обыкновенный и ничем не примечательный житель этого маленького городка. Не удивлюсь, если он примерный муж, отец большого семейства или просто мирный обыватель.

– Ты сузил круг подозреваемых до мужчин?

Марк кивнул:

– Это логично. Не думаю, что женщина могла совершить подобное. Даже для того, чтобы быть мясником, обычным мясником на ферме или в магазине и управляться с тушами, нужна сила. А у нашего Мясника силы хоть отбавляй.

– Значит, это должен быть накачанный, крупный мужчина.

– Не обязательно, Домиан, он может быть не крупным, среднего телосложения. Возможно даже, худым, однако чрезмерно жилистым. К нам на тренировки по тайскому боксу приходили такие парни. Думаешь, что как муху прихлопнешь этого худыша, а он с одного удара отправляет тебя в нокаут. Так что наш Мясник не обязан быть большим и толстым.

– Их насиловали? Жертв.

– Нет. Следов полового насилия не обнаружено. По крайней мере, своим отростком он их не касался.

– Понятно. Что еще? Вообще ни одного подозреваемого?

– Хочешь – верь, хочешь – нет – ни одного! Это исключительно примерный городок, по утверждению шефа полиции. Все жители – мирные и набожные люди, которые регулярно посещают церковь.

– Понятно, в тихой Догме и мясники водятся.

– Впрочем, был у них один странный случай. Уж очень странный, я даже изначально в него не поверил.

– Что за случай?

Марк все это время внимательно следил за дорогой, я видел лишь его профиль. Вот и сейчас он не повернулся ко мне, лишь загадочно ухмыльнулся и чуть сбавил скорость.

– Крокодил прокусил ногу местной девушке, когда она купалась в озере.

– Чего? – Я оторопел. – У нас не водятся крокодилы, Марк, это вздор. Чья-то шутка.

– Я тоже так подумал сначала, но затем шеф полиции прислал мне фотографию ноги, она была прокушена насквозь. А еще через какое-то время отправил снимок того самого крокодила. Его поймали рыбаки и привезли на фургоне в участок.

– Обалдеть, – констатировал я. – Даже смешно. Какие крокодилы? В наших-то краях.

– Правда. Но крокодил на самом деле был. Не знаю, каким образом его занесло в эту глушь, но факт остается фактом.

– Как сельдь с медом. Не пойми что в этой Догме.

– Вот именно. Потому меня туда и направили.

Я вздохнул, поерзал на сиденье, устраиваясь поудобнее.

– Сколько нам еще ехать?

– Часов пять. Если тебе будет нужно в уборную, говори, сделаем остановку на ближайшей заправке. Заодно и перекусим.

– Хорошо… Знаешь, Марк, я уже заочно не люблю эту Догму, даже на расстоянии пяти часов езды от нее.

– Вот такой нестандартный у нас мини-отпуск, – улыбнулся мой друг. – Меня греет лишь то, что я смогу увидеть Элизабет.

– Это я уже понял.

Я закрыл глаза и, кажется, на какое-то время провалился в поверхностный сон. Чувствовал, как меня трясло, слышал, как что-то бурчал себе под нос Марк, но тем не менее умудрился уснуть. Разбудил меня Марк. Спустя пять часов.

Здравствуй, Догма.

* * *

Мы с Марком остановились в мотеле, расположившемся одинаково недалеко и от трассы, и от полицейского участка. Сам городок действительно оказался маленьким, как и говорил Марк, площадью, наверное, не больше трех квадратных километров. Догма встретила нас густым туманом и легким морозом, который пощипывал щеки, руки и нос. Сонный, тихий, как кладбище, мрачный поселок, где у всех на виду ходит хладнокровный и жестокий убийца. Он, наверное, знает этот город как свои пять пальцев, даже, могу поспорить, вырос в нем.

С первых минут пребывания в Догме меня преследовало навязчивое чувство тревоги и безысходности. Поселиться в таком городке, даже при условии, что в нем не происходило никаких убийств, я если бы и смог, то лишь в глубокой старости. Здесь не было никаких перспектив, здесь не было ничего! Хотя и в моем родном мегаполисе особых перспектив для меня не имелось.

Собственно, музыку писать можно где угодно.

– Доброе утро, – поприветствовал нас коренастый темноглазый мужчина лет сорока, стоявший за стойкой ресепшена. – Добро пожаловать в «Догма Инн». Не часто у нас встретишь новые лица. Вы надолго к нам?

Это был крошечный двухэтажный мотельчик, не очень уютный из-за темной безвкусной обстановки и запаха не то какой-то горелой еды, не то такой же горелой проводки или еще чего-нибудь. Похоже, единственные, кто в нем вообще когда-либо останавливался, это залетные дальнобойщики. Место, скажем прямо, не блеск. Но искать «блеск» в пять часов утра не хотелось, поэтому мы решили остановиться здесь, немного отоспаться и затем поискать что-то более пригодное для двух ближайших недель. Не удивлюсь, если в этом мотеле стаями бродят тараканы, водятся крысы и даже имеется известный на

всю округу номер с призраком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vyacheslav-prah/dogma

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить